

ЛИТЕРАТУРА:

- Ривлин А. Коллективный портрет // Амурская правда. 1977. 15 дек.
- «Чем меньше дураков, тем больше хороших дорог»: Беседа Е. Снегова с А. Кривченко // Твоя провинция. 2005. 13 мая
- Ворошилова И. «Схватка» понравилась Солженицыну // Амурская правда. 2005. 14 мая
- Борзунова С. Альберт Кривченко: «Я никогда никому не отдавал Зейскую ГЭС»: журналисту и писателю А. Кривченко 70 лет // Комсомольская правда. 2005. 28 дек.
- Филоненко А. Схватка продолжается: бывшему губернатору Амурской обл., журналисту и писателю А. Кривченко 70 лет // «МК» на Амуре. 2005. 21–28 дек.
- Ворошилова И. «Для меня “Амурка” стала трамплином в большую литературу и политику»: беседа с экс-губернатором, журналистом А. Кривченко о работе в газете «Амурская правда» // Амурская правда. 2013. 20 февр.
- Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 209–211

Землянка

Очерк

На исходе июля, в пору затяжных дождей и разгульного половодья, в палаточный городок десантников, уже месяц живших табором на берегу Нюкжи, явилась неожиданная гостья. Она приплыла по реке на плоту, то есть единственным действующим сейчас транспортом, сиротливо устроившись на штабеле шифера и поджав под себя ноги в новеньких кирзовых сапогах. Её маленькую фигурку защищал от дождя брезентовый плащ, лицо закрывал большой, насквозь промокший и торчащий колом капюшон, на коленях она держала не то ящик, не то коробку, тоже замотанную в брезент.

Плотогон Сенька Терновых проводил гостью в палатку, помог скинуть тяжёлый плащ, и любопытная братва ахнула: под брезентом оказалось милое создание с удивительно голубыми глазами и выющимися белыми локонами.

— Здравствуйте, ребята, я библиотекарь, — сказало создание, и засосавшие, бородатые десантники переглянулись: давно не слышали такого нежного голоса.

Девушка поставила на лавку ношу, развернула брезент — в свёртке было несколько стопок перевязанных шпагатом книг.

— Вот, духовную пищу вам привезла, — вскинув маленький носик, с гордостью сказала гостья. — Наверное, соскучились без чтения?

Бородатые лица заулыбались, разгладились и, кажется, начали излучать свет.

— И как это таких маленьких мамы из дома отпускают? — с сочувствием пробасил громадный, косая сажень в плечах, вальщик леса Степан Пантелейев. — В такую погоду, в медвежью глушь...

— А я после техникума, — девушка тряхнула локонами и глянула на Пантелейева снизу вверх. — По распределению.

— Ах, по распределению! Тогда понятно, — почему-то смущившись, пробасил Пантелейев. — А ну, братва, живо греть котлеты и кипятить чай. Гостья пророгла и, видать, проголодалась.

Вскоре она уже сидела за широким дощатым столом в другой палатке, отхлебывала густой чай из алюминиевой кружки и рассказывала, как добиралась сюда из Тынды сначала на больших тягачах, потом по реке на плоту, как замирало у неё сердце на перекатах, потому что плот мог перевернуться и книги могли утонуть. Её голос звучал весело и нежно, как весенний ключ, выбравшийся наконец на свет из тёмных глубин и радующийся солнцу, ветру, жизни.

— А мне, знаете, нравится у вас, — сказала она под конец, когда усталость совсем сморила её. — Ребята вы хорошие, гостеприимные, только... все на одно лицо. За бородами и не разглядишь, кто какой.

Если бы знала Валя Голубева, какой маховик повернут и раскрутят её бесхитростные слова, какой залежалый пласт всколыхнут! И вообще чем станет для десантников её короткий приезд.

На следующее утро Степан Пантелейев явился к завтраку... чисто выбритым. Уже успевшие подзабыть, каким он был до бороды, товарищи не сразу узнали его. Зато Вале он тут же запомнился.

В обед Валя читала одну из привезённых ею книг. В ней рассказывалось о старых золотоискателях, промышлявших ещё до революции здесь, в Приамурье, и нередко находивших богатые золотые россыпи. То ли читала она мастерски, то ли история была очень занятной, только сидевшие напротив неё Пантелейев и бригадир Леонтий Яковлевич Толстенко глаз не отрывали от лица девушки.

Потом Валя засобиралась обратно в Тынду, где её ждали важные библиотечные дела, и Стёпка вызвался отвезти девушку на моторной лодке. А когда он вернулся, то узнал, что в его отсутствие «свихнулся» один из десантников — сам бригадир Леонтий Яковлевич Толстенко.

Погода как раз разъяснилась, щедре солнце за несколько часов просушило косогоры, и Леонтий Яковлевич, как только кончилась смена, прихватив лопату, исчез из лагеря. Вернулся затемно, обмыл в ручье сапоги, лопату убрал подальше с глаз, лёг, никому не говоря ни слова. Никто ни о чём не стал его расспрашивать — сорокалетнего, с неболь-

шим брюшком бригадира недолюбливали и немного побаивались. Но когда и на следующий день после работы он подался в лес, ребята переглянулись, и двое из них осторожно двинулись за ним следом.

Вернулись они исцарапанные о колкие кусты и перепачканные грязью, сообщили:

— Золото ищет.

— Чего?

— Золото. Видать, книга подействовала.

— Ну дела...

Как и в первый раз, Толстенко вернулся поздно и опять никому ни слова. Утром на него косились, тайно посмеивались, однако заговорить о золоте так никто и не решился.

Но вот приехал начальник отряда Владимир Алексеевич Хотин, человек видный во всех отношениях — в 76-м мостоотряде не было никого выше него ростом. Вечером, хлебая суп, он спросил у Толстенко:

— Леонтий Яковлевич, ты, говорят, золотишко ишешь?

Бригадир вытаращил глаза:

— Какое золотишко?

— Да какое... Вечерами из лагеря уходишь, шурфы бьёшь.

Толстенко звучно захохотал:

— Ну и придумали, ха-ха... Золото ищу... То ж я землянку рою.

— Какую землянку? — не понял Хотин.

— Обыкновенную. Золотоискатели до революции в таких жили. Тут нам про это читали.

От удивления Хотин перестал хлебать щи, ложка так и зависла перед его ртом.

— Ты что ж, из палатки хочешь отселиться? На отруба решил поиться или как?

— Почему на отруба? Но надо же и о зиме подумать. Морозы тут наступают рано, жильё к тому времени подготовим или нет, а землянку я потихоньку осилю.

— То есть как — «подготовим или нет»? А зачем же нас сюда послали? — изумился Пантелейев.

Те, кто собрался было выходить из палатки-столовой, остановились: разговор принимал интересный оборот.

— Выходит, Леонтий Яковлевич, ты, бригадир, не веришь, что мы к зиме посёлок построим? — продолжал Пантелейев. — Не веришь?

— Верю не верю, а сомнение имею, — резко бросил ему Толстенко.

— Сами видите, как работаем. Всё вручную. Даже пилорамы нет.

Что правда, то правда. Обычно десанты уходили обживать новые места зимой, когда мари смерзались в прочный монолит, а реки покрывались ледяным панцирем. Зимние броски в таёжную глухомань всегда были трудными, но зато десантники везли с собой всё, что требовалось, в том числе и технику. 76-й мостоотряд не стал дожидаться зимы, а отправил своих людей на Нюкжу летом — в пору абсолютного бездорожья. Последние сорок пять километров бойцы десанта одолевали на небольших плотах, поэтому смогли взять с собой лишь самое необходимое: палатки, постель, топоры, гвозди, бензопилы, цемент, продукты. С таким оснащением и надо было начинать стройку, чтобы к зиме принять основные силы отряда.

— Так, так, — Хотин осуждающе покачал головой. — А когда отправляли сюда, что ты говорил, Леонтий Яковлевич? Задание выполним, не подведём! Помнишь?

— Но это же факт, — упрямо продолжал Толстенко. — За что ни хватись, ничего нету. Навалим лес — чем возить будем? Пилить чем?

Холин нахмурился. Чего-чего, а такое услышать здесь он не ожидал. Особенно от бригадира.

— Ты разве не знал об этом раньше, Леонтий Яковлевич? — сурово спросил он. — Я ведь вам говорил, что в первое время придётся всё делать вручную. Доставим сюда и пилораму, и электростанцию, но сейчас... Между прочим, это твои слова: понадобится — будем работать каждый за десятерых.

— Помню, как же, — примирительно сказал Толстенко. — Мы ведь и вкалываем. А насчёт землянки — что тут плохого? Ударят морозы, я ещё и Пантелейева на постой пущу.

— Этого как раз и не хватало, — прыснул Степан. — Я к зиме, может быть, женюсь. Вот будет потеха, если молодую жену не в новый дом, а в землянку приведу.

— На ком? — раздались дружные голоса. — На ком женишься, Степан? Уж не на библиотекарше ли?

— А что? — Пантелейев смущился. — Может, и на ней. Вот возьму и женюсь.

Эта новость раззадорила всех. Долго обсуждали её и так и сяк, подшучивали над Степаном. Наконец Лёва Курочкин, студент-заочник, без пяти минут инженер, вернул разговор в прежнее русло.

— По-моему, ребята, Леонтий Яковлевич кругом не прав, — сказал он. — Во-первых, плохой пример бригаде показал. Что, если все мы, вместо того чтобы дома строить, начнём землянки для себя рыть? Тогда к зиме жилья точно не будет. Не туда энергию направил бригадир, не

туда. А потом, как это вообще сочетается: БАМ — и землянки? Дорога в двадцать первый век — и норы для людей из девятнадцатого! Это же позор на весь мир. Как можно было до такого додуматься?

Лёва всегда говорил мудро, с обобщениями и выводами. Вот и сейчас в конце речи он сказал, что хотя Леонтий Яковлевич и хороший плотник, но как на бригадира на него теперь положиться нельзя. В такой ответственный момент нужен другой лидер. И лучше других на эту роль подойдет звеньевой Фёдор Мазин.

С утра ребята месили бетон, готовились делать фундамент под электростанцию. Новый бригадир Федя Мазин оценил качество бетона и уже хотел было подавать команду заливать, но вдруг спохватился:

— Постойте, ведь бетон в фундаменте положено провибрировать. А чем? Вибраторов-то нет.

— Нет, — подтвердили товарищи. — И были бы, так без пользы. Энергию где возьмёшь?

— Чёрт побери, — ругнулся Мазин. — И надо же — чуть было не загробили фундамент. Но что же делать?

Все взоры направились на Толстенко. Настоящих бетонщиков в бригаде не было — формировали десант в основном из плотников, мало кто из них имел раньше дела с бетоном. Что же скажет бывший бригадир?

— А ничего не делать, — спокойно ответил Леонтий Яковлевич. — Начальство знает, что вибрировать нечем. Обойдёмся без этого.

— Нет, без вибрации нельзя, — твёрдо заявил Мазин. — Не игрушку строим — энергетическое сердце посёлка.

— Ну и что? — продолжал Толстенко. — Лет десять назад мы в совхозе баню строили, тоже нечем было бетон вибривать. Сколотили — и до сих пор стоит.

Мазин заколебался, не зная, какое решение принять.

— Лёва, — обратился он наконец к Курочкину, — ты ведь почти строительный инженер. Скажи, можно ли без вибрации?

— Можно, но нежелательно, — сказал Лева. — Надо вибривать.

— Но чем? — раздалось сразу несколько голосов. — Чем, язви его?

— Это другой вопрос, — многозначительно заявил Курочкин. — Кто знает, как в старину большие дома строили? Когда не было ни вибраторов, ни электричества?

— Да так, — отозвался Леонтий Яковлевич. — Никто ничего не вибрировал, а дома до сих пор стоят.

— Нет, братцы, — Лёва посмотрел на всех петухом. — Вибрировали. И знаете чем? Ногами. Закатывали штаны до колен и месили бетон пятками. Так перемешивали, что огромные дворцы потом на тех фундаментах строили.

Ребята смотрели на Лёву с нескрываемым восхищением.

— Решено, — заключил Мазин.

И началась потеха. Половина звена таскала ведёрками бетонную массу, другая половина дружно топтала месиво резиновыми сапогами.

Вскоре, однако, опять случилась заминка. На одном краю будущего фундамента из земли торчал огромный валун, нужно было его убрать. Окопали со всех сторон, попытались вывернуть вагами. Провозились часа полтора, но даже самые крепкие ребята выбились из сил, отступили.

— Нужен бульдозер, — сказали они Мазину. — Без мощной техники не вытащить.

— А ещё лучше — взорвать!

— Вот незадача, — полууштя сказал бригадир. — У меня как раз нет ни бульдозера, ни взрывчатки. Может, краном попробуем?

Ребята вяло улыбнулись: крана-то у Мазина тоже не было. Взоры опять устремились на Курочкина.

— Уже думаю, — сказал Лёва.

На этот раз Курочкин перебирал в памяти известные ему способы перемещения тяжестей значительно дольше. Но всё-таки нашел нужный рецепт. Он предложил развести вокруг глыбы огромный костёр, раскалить камень добела, а потом облить его холодной водой из ключа. Появится множество трещин, по ним и раскрошить камень стальными клиньями.

Но не успели натаскать и половины нужного количества дров, как со стороны реки, из-за леска, послышался глухой рокот. Это гудел не лодочный мотор, не бензопилы вальщиков леса — рокот издавал мощный дизель. Ребята прислушались, переглянулись — уж не мерещится ли? Дизель басил всё явственнее и отчётливее, а вскоре из-за кустов показался — с гордо поднятым носом, растопыренными крыльями, высоко поднятыми бортами... «КрАЗ»! Он резал колёсами осоку, мял редкие кустики, брызгал по сторонам грязью и полз — нет, скорее, ломился через марь к палаточному городку. Ребята ошарашенно смотрели на это чудо. Как же смогла тяжелейшая машина пройти по вязким топям, где даже нога человека тонет? А за рулём сидел отрядный весельчак и песенник Саша Игнатьев.

— Принимайте груз, — белозубо улыбнулся он. — Пилораму привёз. Один из десантников протянул вперёд руки, ощупал усталого Сашу.

— Вроде настоящий. Не мираж и не привидение. Как же ты, Саша, проскочил? Уму непостижимо.

— Лучше не вспоминать. У меня ведь машина на воздушной подушке.

Конечно, никакой воздушной подушки у «КрАЗ» не было. Просто накануне Игнатьев читал книгу о вечной мерзлоте и узнал, что в жаркую пору она сохраняется там лучше, где выше и гуще травяной покров. Вот и выбирал он самые защищённые от солнца места, ехал осмотрительно и, хотя и с приключениями, но всё же пробился.

— А книжку тебе не отрядная ли библиотекарша дала? — спросил кто-то из ребят.

— Она, — подтвердил Игнатьев.

— Беленькая, с голубыми глазами?

— А вы откуда знаете? Она ж новенькая, — удивился Саша.

— Ну, огонь-девка. Только имей в виду — Степан Пантелейев на ней женится.

Игнатьев ничего не понял, пожал плечами и скомандовал:

— Сгружайте пилораму, юмористы.

А после обеда его «КрАЗ» уже трелевал лес. Иногда машина проваливалась в марь, товарищи кричали Игнатьеву: смотри не утопи! Он отвечал: техника отечественная, не подведёт. И вырывался из плена.

С первыми морозами в новый посёлок Дюгабуль перебирался 76-й мостоотряд. Другие только снаряжали десанты, которым ещё предстояло закладывать на новом месте первые домики, а в Дюгабуле люди уже селились в новые квартиры.

Возле будущего вокзала стояла ватага парней.

— Эй, ребята, надо бы вот здесь, на привокзальной площади, пьедестал соорудить, а на него Сашин «КрАЗ» установить, — сказал товарищам Федя Мазин. — В Челябинске последний танк на пьедестал водрузили, на целине — трактор. А здесь должен «КрАЗ» стоять. Пусть все видят, с чего БАМ начинался.

— А рядом маленький плотик бы поместить, а? — сказал кто-то.

Все засмеялись.

Сборник «Серебряные звенья»,

Хабаровск, 1982 г.